

«РУССКАЯ ПОЛОСА» В ЖИЗНИ ДАНИЭЛЯ МЕЗГИША

Жизнь артиста, по мнению Даниэля Мезгиша, идет полосами. «Русской полосой» в судьбе этого популярного французского актера было время, когда он снимался в фильме «Берлиоз», ставил чеховского «Платонова», «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева. «Русская полоса» Мезгиша еще не пройдена до конца.

В Лувре я стояла перед полотном Курбе «Гектор Берлиоз». В другом парижском музее — «Карнавале» видела полный экспрессии и динамизма бюст Берлиоза работы скульптора Дантона. На выставке Надара — одного из первых, кто сделал фотографию искусством, — открыла для себя и его прекрасный фотопортрет Берлиоза... И тем не менее признаюсь, что с недавних пор имя композитора воскрешает в памяти иной «портрет» — тот, что создал на телеэкранах в многосерийном фильме-биографии актер Даниэль Мезгиш.

Вот и сейчас, когда мы с ним сидим в маленьком кафе рядом с театром Бастилии, где через час он должен возобновить репетицию, меня не покидает ощущение, что передо мной не исполнитель роли, а сам знаменитый персонаж. Хотя аккуратно подстрижены длинные локоны и вместо романтического шелкового банта шею обхватывает тугой ворот свитера, поверх которого накинута кожанка, и хотя музыка, несущаяся из ящика-автомата, не навеивает ассоциаций с «Фантастической симфонией».

— «Вылитый Берлиоз». Это я слышал от многих... Любопытно, что, когда я сыграл на телевидении Наполеона, мне говорили то же самое про Наполеона. А когда сыграл брата Людовика Четырнадцатого в фильме «Мольер», оказалось, что я и он «как две капли воды...». Между тем эти люди не имеют между собой ни малейшего сходства. И портретного

сходства с ними я, кстати, не искал.

— А что искали?

— Внутреннего слияния. С того момента, когда я почувствовал себя Берлиозом, все пошло само собой. Но, чтобы такой момент наступил, требовалось медленное, постепенное погружение в «берлиозовскую сферу».

— Прежде всего в музыку?

— Конечно, я ее слушал без конца (и продолжаю слушать). Но, кроме этого, я много читал. Во-первых, его самого: он оставил после себя любопытнейшие мемуары, которые, если и грешат, по мнению специалистов, преувеличениями и «охотничьими рассказами», позволяют судить о характере, о складе ума. Во-вторых, читал о нем, об эпохе, об окружении... Конечно, впитанная мной информация не могла определить успех (или неуспех) роли. В противном случае прославленный профессор-музыковед был бы незаменимым перед камерой. Однако на подготовительном этапе проникнуться ею необходимо. И я не понимаю тех актеров, которые, берясь за исторический образ, афишируют свое невежество и заявляют, что от знания один вред и достаточно положить на интуицию и воображение.

— Но, вооружившись знанием, вы дальше высвободили свое воображение: не стремились следовать «букве» первоисточников, копировать с них поведение композитора?

— Ну, это было бы временным самоубийством и убийст-

вом Берлиоза: в него никто бы не поверил. Дано ли нам точно знать, что думал композитор, как повел себя в определенной ситуации, каковы были его внутренние переживания? Не дано, несмотря на все документы. А раз так, надо вообразить... Я люблю слово «игра». Во французском языке оно имеет много значений. Когда между придвинутыми близко друг к другу предметами остается небольшой зазор, это тоже называется «игрой». Между реальной жизнью и ее воплощением на сцене должна быть всегда эта самая «игра» — воздушная и световая прокладка. «Играть» — значит не слышном вплотную прижиматься к земле.

— В прессе много писали о том, что после показа кинофильма «Берлиоз» во Франции началось нечто вроде берлиозовского «бума»: масса раскупленных пластинок, прилив публики на концерты, где исполнялись его произведения.

— На это можно лишь воскликнуть: «Наконец-то!». Сам я ведь тоже открыл все богатство и современную глубину этой музыки, только готовясь к съемкам. А до этого прерывался укоренившегося среди моих соотечественников мнения, что это был композитор «безусловно, талантливый, но бутафорный... безусловно, написавший грандиозные «куски», но чрезмерно увлекавшийся барабанами... Что и говорить, у себя на родине гениальному Берлиозу ни при жизни, ни после смерти не везло. Зато понастоящему повезло в России, где его рано признали и оценили и где прекрасно знают и любят по сей день. В этом я мог убедиться за те два месяца, что мы провели в Ленинграде, где снимались многие эпизоды фильма, производившегося французским телевидением совместно с советским.

На этом месте интервью, которому мой собеседник вначале задал быстрый темп и деловой тон, резко «накренилось» в сторону задушевной неторопли-

вости. На смену forte и allegro пришли piano и adagio. По многу раз Мезгиш возвращался к «милой русской традиции делать просто так маленькие подарки», к увозимому из Ленинграда чемодану, набитому этими подарками, которые он расставил по своей парижской квартире, чтобы «смотреть и вспоминать с ностальгией»; к гримершам и костюмершам, которые «не отвешивали с точностью до грамма свои услуги, а заботились о вас с таким терпением, как будто вы им родня».

— Для меня, западного человека, все это «ненормально», я не привык к такой «беспричинной» доброте и не переставал ей поражаться. Ну как, к примеру, можно у нас вообразить такое: ночью в театре снимается эпизод, где Берлиоз дирижирует петербургским оркестром. Под утро все валяется от усталости, и я в первую очередь. И вдруг звучит «Марсельеза»! Слезы брызнули из глаз — не столько даже от звуков родного гимна, сколько от благодарности оркестрантам за чуткость. Вместо того чтобы ежедневно с досадой посматривать на часы, они думали о том, как подбодрить актера.

Язык музыки интернационален и не требует перевода. Однако, помимо исполнения своих произведений, Берлиозу — Мезгишу приходилось в России общаться с людьми словесно. Как преодолевался во время съемок языковой барьер?

— Полное незнание русского языка — это одна из двух вещей, которые меня очень страшили, когда я отправлялся в СССР. (Вторая — ваши знаменитые морозы: не забывайте, что я играл Наполеона и с тех пор сохранил о них неизгладимое воспоминание!). Чтобы вести связанный диалог с партнерами, вступая в текст, пришлось пользоваться «опознавательными знаками» — запоминать звучание последних слов предыдущей реплики. Но тугое ухо Берлиоза — Мезгиша иной раз различало «видите» там, где про-

изнесли «видите». И все шло кувырком...

— Однажды мы снимали длинный диалог, состоящий из вопросов и ответов, — продолжает актер. — Незаметно сблизился. И дальше беседа с партнершей текла так: я отвечал, а затем следовал ее вопрос, на который я уже ответил. Нашему переводчику мы тогда поставили несколько очень веселых минут... Если же говорить серьезно, этот опыт оказался для меня очень ценным. Я вслушивался в каждую фразу, как в музыку. Напряженно следил за лицом говорящего: его выражение решало все, определяло мою реакцию. И реакция, я заметил, становилась непосредственнее, чем в обычной для драматического актера ситуации, когда внимание обращается больше на слова, нежели на состояние партнеров. И игра становилась острее и выразительнее. Я как бы возвращался к основам актерского мастерства — по Станиславскому, — что закладывались в меня в Парижской консерватории.

В Консерваторию драматического искусства Мезгиш попал непросто. Живя в Марселе, несколько лет учился там на театральных курсах, совмещая это с университетскими занятиями философией. Долгое время колебался между наукой и сценой. Но и тогда, когда выбор был окончательно сделан, не утратил страсти к философскому анализу и предпочтения авторам-философам. Не случайно поэтому, что для своей первой самостоятельной работы он избрал Франца Кафку и его роман «Замок». Сначала он мечтал только о том, чтобы сыграть в им самим написанной инсценировке романа главную роль. Но поскольку не мог найти режиссера, то в конце концов взялся и за постановку.

— Я надеялся, что, посмотрев мой спектакль, люди скажут: «Какой многообещающий молодой актер!». Но они почему-то сказали: «Какой интересный начинающий режиссер».

Это сначала меня удивило, а потом навело на счастливую мысль сочетать игру с режиссурой.

Я попросила Мезгиша захватить на нашу встречу свой «послужной список» — перечень того, что он успел сделать. Вместо одного списка он выложил передо мной четыре: 1) постановки, 2) роли в театре, 3) роли в кино, 4) роли на телевидении. Не зная, что речь идет о человеке, еще в 1973 году сидевшем на студенческой скамье можно было бы, изучая эти плотно заполненные строчки, предположить, что они относятся к мастеру, за плечами которого несколько десятилетий работы...

— Не многовато ли?

— Социологи утверждают, что полезно чередовать род занятий и периодически менять место работы. Я следую их совету. И не ощущаю перегрузок. (Смех). Но основным, бесменным местом работы остается театр. Точнее, театры, поскольку во Франции за редким исключением режиссер лишен возможности иметь постоянное помещение и труппу и «раскидывает свой шатер» то здесь, то там.

Год назад Мезгиш «раскинул шатер» в центре Парижа, в одном из самых приятных и престижных театральных залов — «Атэнэ», где поставил чеховского «Платонова». Спектакль имел очень большой успех. И если бы не вечное стремление Мезгиша «двигаться дальше», оставался бы на афише не один сезон, а несколько.

— «Платонов» — первая многоактная пьеса Чехова. Я очень люблю первые произведения великих драматургов. Эти вещи написаны не так мастерски, выстроены еще не так виртуозно, как последующие. Но в них особая юношеская сила, особый жар. Они еще «с пометками» но в них заложены все основные темы, которые автор будет потом всю жизнь развивать, к которым будет без конца возвращаться. Студенческая работа над

«Замком» была первым и, как Мезгиш долго полагал, последним опытом совмещения режиссерской и актерской деятельности. Впоследствии он отказался делать то и другое сразу. («Таков уж склад характера: не могу одновременно находиться внутри и снаружи, то есть участвовать в сценическом действии и судить его со стороны»). Однако в «Платонове» он изменил правилу.

— К этому толкнуло печальное обстоятельство. Неожиданно умер актер, который должен был играть героя — самого Платонова. Кроме него, я никого в этой роли не видел. И тогда решил заменить его, как заменяют в бою павшего друга, завершить дело, которое он начал...

Выпуску спектакля предшествовала поездка Мезгиша в СССР. Простое совпадение?

— Скорее, судьба. Я давно искал и не находил какую-либо малоизвестную у нас пьесу большого автора — классическую и вместе с тем близкую нашему времени. А едва вернулся из Ленинграда, сразу попал на «Платонова». ...Подождале, на этом «совпадении» не кончилось. Прошло несколько месяцев, и парижская опера предложила мне поставить «Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева. Я верю, что жизнь артиста идет полосами. То была моя русская полоса. И она не пройдена до конца. Чехов во мне «поселился» теперь навечно. Как с юности «поселился» Шекспир.

— Трудно, наверное, найти режиссера, который рано или поздно не мечтал бы поставить одну из пьес шекспировского репертуара. Мезгиш — со свойственной ему чрезмерностью — мечтает поставить их все. «Гамлет» и «Король Лир» уже «придены». («Лир» три года назад стал событием Авиньонского фестиваля). Зимой начнутся репетиции «Ромео и Джульетты».

— А остальное дожидается меня. Представляет, какая груда счастья впереди.

— То, что театр — главное место работы, теперь не оставляет никаких сомнений. И все же хоть несколько слов о кино. Ведь именно оно принесло вам популярность.

— Оно принесло к тому же и много обогативших, воспевавших меня творческих встреч с такими режиссерами, как Франсуа Трюффо, Ив Буассе, Франсис Жиро. И не подумайте, что я плачу ему за это черной неблагодарностью. «Звание» популярного киноартиста мне очень льстит. И, кстати, помогает привлекать широкого кинозрителя на мои спектакли, которые иначе он, возможно, не посмотрел бы.

Я заметила, что Мезгиш избегает говорить о трудностях, неудачах. Может быть, он принадлежит к избранным счастливым, которым все это неведомо?

— В некоторой степени я действительно счастливчик: смогу назвать очень мало работ, которые бы оставили разочарование, сожаление. Что же до трудностей, то они, конечно же, есть. Но для артиста, который не дает себя поглотить коммерческой, массовой культуре и который не «делает намертво», а ищет, рискует, они неизбежны.

А чтобы ничего не скрыть от читателя, добавлю в заключение, что есть у Мезгиша еще и третья профессия — театральный критик. Его подпись стоит под многими теоретическими статьями, публиковавшимися журналами по театру, справочниками, энциклопедиями. Есть и четвертая — преподаватель. Несколько лет он руководил созданной им молодежной театральной школой-студией «Зеркало». А год назад получил предложение вести занятия на выпускном курсе консерватории — той самой, где учился сам. И без колебаний его принял: социологи ведь рекомендовали разнообразить занятия!

Елена КАРАСЕВА.
ПАРИЖ.